

УДК 316.4+008

В.А. Сулимов, И.Е. Фадеева

Интеллектуальная антропология Европейского Севера России: диалектика интеграции ¹

Авторы используют теорию социальной стратификации Питирима Сорокина для обоснования новых типов социальной стратификации, интеграции и дифференциации. Современные социальные группы имеют не имущественную или деятельностьную, а собственно интеллектуальную природу. В статье раскрываются особенности социально-культурной интеграции и дифференциации современного Европейского Севера России (Республики Коми), демонстрируются социальные, интеллектуальные, этнические особенности этого культурного ландшафта.

Ключевые слова: *социальная стратификация, интеграция, дифференциация, социальные процессы.*

V.A. Sulimov, I.E. Fadeeva. Intelligent anthropology of Russian European North: the dialectic of integration

The authors use the Pitirim Sorokin theory of social stratification to support new types of social stratification, integration and differentiation. Modern social groups have not property or activity, but own intellectual nature. The article reveals the peculiarities of the socio-cultural integration and differentiation of modern European North of Russia (Komi Republic), demonstrates the social, intellectual, ethnic features of the cultural landscape.

Keywords: *social stratification, integration, differentiation, social processes.*

Питирим Сорокин является одним из первых социологов, дифференцировавших социальное пространство не только по

© Сулимов В.А., Фадеева И.Е., 2016

¹ Статья подготовлена в рамках проекта №15-13-11003 РГНФ при финансовой поддержке РГНФ и Республики Коми

классовому, экономическому или институциональному, но и по когнитивно-антропологическому принципу. Созданная им теория социальной стратификации представляет интерес не только как альтернатива собственно марксистской теории, но и как антропологический проект, нашедший в дальнейшем у Сорокина свое продолжение в теории альтруистической (созидательной) любви. Можно говорить, что модель социальной и культурной стратификации была существенно им дополнена онтологическим принципом. В частности, согласно предложенному Сорокиным принципу, мир «абсолютной реальности», неотъемлемой частью которой является человек, представляет собой ряд иерархически расположенных «модусов бытия»: «Будучи сами одной из значительных пульсаций абсолютной реальности, – писал Сорокин, – мы можем грубо воспринять некоторые из ее важных аспектов. Из ее бесчисленных модусов бытия три формы представляются существенными: а) эмпирически-чувственная; б) рационально-разумная; в) сверхрациональная, сверхчувственная» [4, с. 34–35]. В интерпретации Сорокина человек представляет собой пересечение этих модусов, воспроизводя в собственном сознании и деятельности всю полноту «абсолютной реальности». Если в классической интерпретации сорокинских идей эти модусы, сменяя друг друга в процессе социального доминирования, создавали целостные типы культур (чувственную, идеациональную, идеалистическую), то в условиях постнеклассического (В.С. Степин) способа интерпретации реальности можно говорить об их одновременном существовании; деятельностная платформа личности определяется каждый раз в ситуации выбора индивидуальных стратегий и в соответствии с образом желаемого будущего. Сложный выбор способа (типа, вида) деятельности в соответствии с пониманием субъектом цели, возможностей и социокультурной ситуации либо оказываются в определенной степени интеграцией в общее движение, процесс, либо выделяются из этого процесса, дифференцируют его. Другими словами, все виды деятельности и все виды социально значимых практик распределяются по кластерам в промежутке от крайней

интеграции (включения его в социально-культурную «схему», ограниченную ценностными рамками) или социальной стандартизации до крайней дифференциации «вновь» осмысляемого социально-культурного пространства, подверженного динамичным процессам модернизации и/или деградации. Естественно, что формы интеграции, стандартизации и типизации воспринимаются субъектами как социально устойчивые, стабильные, а формы дифференциации – как неустойчивые, несущие серьезные социальные риски.

Человек как субъект культуры существует не в реальном, а ирреальном мире, построенном на основании освоенного (интерпретированного) способа понимания социального пространства, избранном типе социально-культурной деятельности. И.В. Кондаков справедливо указывает на интрасубъективный характер и культуры, и культурных практик, которые в целом являются «продуктом истории культуры, нередко сконструированным самим субъектом (данным либо любым иным) этой культуры», при этом динамизм культуры и эффективность индивидуальных культурных практик определяется не уровнем стандартности или «стабильности», а уровнем дифференциации интерпретационной составляющей процесса восприятия/понимания/порождения (при сохранении базовых интегративных культурных констант), содержащей риски социального непонимания, виртуальной открытости: «Эта виртуальная реальность существует только актуально (“здесь и теперь”) и типологически вариативно (в зависимости от того, какой субъект и с какими целями ее интерпретирует), что и определяет ее потенциальный динамизм и пластичность» [2, с. 156].

Современный человек – человек напряженной исторической динамики. Он сам является местом напряжения и разрыва, потому что «постоянно погружен в конфликт между надежным и освоенным, но утрачивающим адаптивность, и пугающим, незнакомым, но инновативным, обещающим перспективу» [6, с. 151]. В условия роста дифференцирующих культурных практик (а следовательно, изменения всей системы деятельности) на первое место выдвигается проблема выбора, при этом

выбора комплексного, применяющего весь спектр, предложенных Питиримом Сорокиным каналов познания (чувственного, рационального и сверхчувственного) и всего спектра культурных практик (интеллектуальных, художественных, повседневных, коммуникативных, образовательных и др.). Именно выбор стимулирует формирование и затем постоянное переформирование (совершенствование) культурной личности: «Проблема выбора, – пишет И.М. Яковенко, – становится все более сложной, и тот, кто не склонен делегировать свою свободу каким-либо инстанциям, то есть собственно личность, вынужден постоянно совершенствовать свои когнитивные инструменты, оттачивая чутье истины, предаваться напряженной рефлексии. Иными словами, постоянно двигаться по пути формирования субъекта» [6, с. 151].

Восходящее движение индивида к все большей субъективизации и индивидуализации – объектовый процесс, закрепляющий и фундаментирующий процесс социально-культурного развития в его постиндустриальной и постмодернистской форме, реализующей принципиально нереализуемую и потому нерелизованную доньше задачу «завершения проекта модерна». Это завершение не может происходить в том индустриально-массовом ключе, который был привычен для социокультурных процессов европейского типа в прошлые десятилетия (в том числе в России и Республике Коми). Необходимо модернизировать прежде всего субъекта социокультурного пространства – каждого отдельного человека, поскольку «процесс индивидуализации и субъективизации раскрывается как общеисторическая необходимость... Дело в том, что доличностные и полуличностные модальности человека оказываются неэффективными в критически усложнившемся мире» [6, с. 151]. Именно личностные модели и типы человека, их формирование и взаимодействие становятся наиболее важными факторами как социально-культурного, так и социально-экономического пространства, демонстрируют модернизационный потенциал общества, его общую направленность в будущее или прошлое. Возрастание социально-культурной роли

культурной личности как источника общественного символического капитала – главного капитала эпохи знаний (информационной эпохи) – делает эту личность не только главным субъектом социума, но и стимулирует процесс ее исследования как источника социальной энергии, динамического фактора социального порядка.

Между тем современная культура характеризуется крайней степенью интеллектуального расслоения общества (интеллектуальной стратификацией). Значимость этого утверждения возрастает применительно к проблемам и перспективам регионального развития. Интеллектуальная стратификация имеет свои, уникальные характеристики в регионах межкультурного взаимодействия, одним из которых является Европейский Север и его крайняя северо-восточная часть – Республика Коми. Переживший на протяжении прошлого тысячелетия процесс христианизации и вхождение в состав Московского государства, став местом ссылки и одним из центров ГУЛАГа, в начале XXI века регион стал полем взаимодействия множества противоречивых факторов. Причем начиная с времени христианизации коми регион Коми представлял собой своего рода фронт – «зону особых социальных условий, то есть территорию, социальные и экономические процессы на которой определяются идущим процессом освоения» [1, с. 75–76], а также «природной экстремальностью» и возможной политической нестабильностью [1, с. 78–79]. Кроме того, смешанный (этнически и по типу хозяйствования) характер населения создавал возможность стать «плавильным котлом», основой для формирования культурной и социально-экономической общности.

В социокультурной динамике Европейского Севера России – в регионе Коми – сегодня действуют одновременно три группы факторов: фактор общероссийской социокультурной динамики (в части процессов, актуально действующих на территории республики), фактор модернизационных изменений глобального характера (в привязке к современным социокультурным процессам, происходящим в республике) и фактор функ-

циональных особенностей регионального социокультурного развития, определяемый собственно историей и культурой Республики Коми.

Современная общероссийская социокультурная динамика (в части, особенно актуальной для регионального пространства Республики Коми) характеризуется рядом негативных признаков:

1. Высоким уровнем дифференциации населения по имущественному и финансовому критерию и концентрации материальных и финансовых ресурсов в немногих руках (выше 0,400 по коэффициенту Джини по всей территории РФ, в Москве – 0,510, самый большой в мире).

2. Одновременным понижением социальности и культурного развития элиты, склонной к крайнему эгоизму и не заинтересованной во вложениях в культуру, науку, образование, социальную сферу.

3. Провалом модернизации, не затронувшей массовые слои населения, не изменившей характер их деятельности, эффективность и оплату труда.

4. Доминированием экспортно-сырьевой модели экономики, отсутствием крупных вложений в высокие технологии и производство интеллекта.

5. Отсутствием эффективных вертикальных лифтов, реальных способов развития творческого потенциала личности (в том числе в области реальной экономики) и связанной с этим низкой самооценкой населения, неудовлетворенность своим материальным положением, например, в добывающих регионах с высокой средней заработной платой: Тюменская обл. – 53 %, Ханты-Мансийский АО – 53 %, Республика Бурятия – 54 %, Республика Коми – 46 % [3, с. 51–52].

В этом смысле такие наблюдаемые явления, как недостаточный уровень общей и специальной подготовки в образовательных учреждениях всех типов и видов, депопуляция территорий, общекультурная маргинализация являются следствием затянувшегося процесса социально-экономической и социально-культурной модернизации, бесконечного возвращения к исчер-

павшим себя экономическим и управленческим моделям, массовых «ретро-тенденций» основной части населения, избегающего перемен и интеллектуальных напряжений, необходимых для динамики индивидуального и общественного развития.

Формирование республиканского социокультурного пространства, находящееся в «разрывном поле» общероссийских негативных социокультурных тенденций, оказывается одновременно в напряженном силовом поле глобальных тенденций развития. К этим тенденциям прежде всего относится переход от индустриального общества (общества развития производства и потребления) к постиндустриальному (обществу индивидуального, корпоративного и сетевого развития), налагающего серьезные изменения на все сферы социальной жизни. Прежде всего речь идет о переносе тяжести с форм физического капитала на формы духовного и интеллектуального капитала, становящегося важнейшим ресурсом общества. Г. Эспинг-Андерсен писал об этом: «В прошлом все великие исторические трансформации, по существу, были обусловлены появлением новых способов производства, новых стимулирующих структур и новых способов утилизации и распределения ограниченных ресурсов. То, что мы подразумеваем под ограниченными ресурсами, будет меняться: когда-то это была земля, затем капитал, теперь, возможно, социальный капитал и интеллектуальные ресурсы» [5, с. 254]. Здесь важно понимание того, что глобальный переход к интеллектуально-ориентированному обществу не может произойти «вдруг» и «повсеместно». Качество социально-культурных и экономических практик зависит от решения глобальных проблем «снизу», для Российской Федерации – с уровня российских регионов: «Преодоление этого спада невозможно без всестороннего учета, во-первых, социально-культурных составляющих экономического развития и, во-вторых, экономических и социокультурных особенностей российских регионов как частей России, образующих в совокупности «большое общество» [3, с. 55].

Нерешенные проблемы вторичной модернизации, состоящие в реальном переходе к механизмам постиндустриального

общества (информационного общества или общества знания) – глобальное свойство многих территорий мира и РФ. Индексирование регионов России по этому показателю демонстрирует большое «разбегание» результатов и вместе с тем устойчивое лидирующее положение Республики Коми (наряду с Москвой) по трем показателям: индексу первичной модернизации (индустриализации) (99,1 – РК, 100 – Москва), индексу трансляции знаний (94,3 – РК; 98,4 – Москва), индексу качества жизни (100,1 – РК; 103 – Москва). Вместе с тем РК по важным показателям существенно отстает в модернизации: индексу инновации в знаниях (21,5 – РК; 117,5 – Москва), индексу качества экономики (47,1 – РК; 104,4 – Москва) [3]. Очевидно, что преодоление отставания по этим показателям есть прежде всего интеллектуальный прорыв, ускоренное развитие качества человека, формирование информационно-знаниевой платформы его существования. Далее приведем полностью сравнительную таблицу данных по Москве, Республике Коми и Пермскому краю.

Индексы модернизации регионов РФ¹

Индексы модернизации	Москва	Республика Коми	Пермский край
Индекс первичной модернизации (индустриализации)	100	99,1	98
Индекс инновации в знаниях	117,5	21,5	52,7
Индекс трансляции знаний	98,4	94,3	79,7
Индекс качества жизни	103	100,1	92
Индекс качества экономики	104,4	47,1	34,6
Индекс вторичной модернизации	105,8	47,1	34,6

¹ По данным [3, приложение].

Любая социокультурная ситуация в любом из российских регионов обладает спецификой и даже подчас уникальностью, а потому нуждается в историко-культурном анализе, раскрывающем причинно-следственные связи в современном социальном поведении населения.

Фактором особенностей социокультурного развития Республики Коми, действующих в качестве актуальных элементов современной социокультурной обстановки и в первую очередь наблюдаемых исследователями, является фактор взаимодействия коренного населения (коми) и пришлого, в разные моменты истории попавшего в Коми (не только русского, хотя доля русских, по данным последней переписи, составила 61,69 %), в результате репрессий, эвакуации в годы войны, стремления к высоким северным заработкам. Внешне благоприятная ситуация в сфере межнационального взаимодействия тем не менее оказалась чревата внутренними тяжелыми противоречиями, причем как со стороны коми, так и русского населения, давая основания оценивать ее с одной стороны как «стигматизацию» коми и их ассимиляцию со стороны русских, а с другой – говорить об «этнократии» коми. Очевидно, что корни этих оценок уходят в давнее и не столь давнее – советское – прошлое, заставляя говорить о «колонизации» Коми края и насильственной ассимиляции (русификации) местного населения или о политическом ресурсе, предоставляемом представителям коми этноса в административных структурах и чиновничьих иерархиях.

Однако наряду с этими внешне очевидными процессами и фактами следует обратить внимание на другие – не столь очевидные, но более значимые. Это фактор интеллектуального расщепления региона, который обусловлен неоднородностью его социально-экономического развития. В этом плане актуальной представляется позиция П.А. Сорокина: подойдя к проблеме социальной стратификации не с точки зрения классовой или позднее противопоставленной ей этнической, можно обнаружить все более значимое ее обоснование – интеллектуально-деятельностное. Дело в том, что Коми, повторяя известную ха-

рактистику Ленина о многоукладности русской жизни, характеризуется крайней разнородностью: не только противостоянием индустриального Севера и аграрного Юга, но и появлением третьей составляющей – интеллектуального тренда, наблюдаемого, как это ни парадоксально, именно в южных регионах: главным образом в столице республики, Сыктывкаре. Есть основания полагать, что именно столица Республики оказалась местом перехода из доиндустриального в постиндустриальное пространство и источником модернизационного развития, основанного на сосредоточении интеллектуальных, а не природных ресурсов.

Становится все более очевидным, что современный Европейский Север России, содержащий в себе три архетипических составляющих: русское христианство, финно-угорский языческий пласт и домусульманский тюркизм, стал складываться в условиях суперэтничной государственности России XVIII–XIX веков в особое интегрированное единство – *русско-зырянский* конклав со сложной интегрированной когнитивно-семиотической структурой. В этой структуре преобразованные архетипические составляющие составили двойную оппозицию образов будущего (а значит, и моделей интеллектуальных практик). Интеллектуальные практики, преобразуя архетипический контекст на фоне современного интеллектуального пространства, создают сегодня три типологически не сходных варианта конструирования региональной идентичности: 1) собственно-интеллектуальную идентичность, направленную на выработку эффективных процедур формирования человека, интегрированного в культуру современного информационного общества, на основании выбора высокого качества жизни в контексте региональной *наднациональной* идентичности; 2) вторично-интеллектуальную, навязывающую стереотипы регионального интеллектуального состояния в контексте общероссийской идентичности (что предполагает в основном развитие природно-сырьевых источников и транспортных коридоров); 3) нон-интеллектуальную, направленную на попытку физического и экономического выживания в условиях нарастающей социально-

экономической депрессивности удаленных территорий и педагогического освоения собственно этнической составляющей.

Мы полагаем, что первый тип идентичности является попыткой, правда, далеко не всегда успешной, реконструкции идентификационных моделей модерна начала прошлого века, «незавершенный проект» которого был сменен советским вариантом модернизации, порожденным революцией и эпохой строительства социализма в соединении с тоталитарно-репрессивным способом его реализации (в частности, борьбой с национализмом 30-х годов). Как и в первой трети XX века, формируемая «другая» идентичность (достаточно вспомнить философско-антропологические работы Каллистрата Жакова и Питирима Сорокина) предполагала интеллектуальную интеграцию в российскую и европейскую культуру и создавала интеллектуальные опоры для постиндустриального развития. Второй тип идентичности продолжил собственно советскую модель «освоения Севера» прежде всего как сырьевой базы, причем на место подневольного труда ГУЛАГа и идеи создания «нового человека» пришел т.н. «вахтовый» метод добычи сырьевых ресурсов, не предполагающий финансовых и интеллектуальных вложений в развитие регионального человеческого и интеллектуального капитала. Очевидно, что именно вахтовый метод добычи сырья определяет то индустриальное развитие региона, которое на современном этапе представляется тупиковым. Причем этническое и национальное взаимодействие «вахтовиков», среди которых представители разных национальностей, не становится основанием развития суперэтнического – российского – целого. Третий тип идентичности характеризуется попыткой консервации собственной этничности или ее распадом, особенно характерным для части населения, мигрирующей из села в город и не сумевшей войти в его интеллектуальное и коммуникативное пространство. На языковом уровне этот распад выглядит как оскудение ресурсов собственно коми языка и невозможность полноценного овладения русским, что, в свою очередь, создает ряд собственно языковых барьеров в образовательных, культурных и социальных практиках.

Когнитивно-семиотическая триада «собственно-интеллектуальный – вторично-интеллектуальный – нон-интеллектуальный» противостоит и в культурно-географическом, и в демографическом аспектах. Так, именно принадлежность территории (в максимальном проявлении) к одной из трех позиций триады демонстрирует демографические «приливы» и «отливы»: Сыктывкар и близлежащие районы, относясь к первой, наиболее сильной, позиции, демонстрируют приток населения, северные города Республики Коми (Ухта, Усинск, Воркута), соотносимые со второй позицией, показывают небольшой или средний отток населения; наконец, наибольший отток населения наблюдается из депрессивных (не только в экономическом, но и в информационном смысле) районов Республики Коми.

Платформа социокультурной динамики Республики Коми, основывающейся на указанной когнитивно-семиотической триаде, напоминает платформу становления социально-экономического статуса США в период структурирования американской идентичности конца XIX – начала XX века. Возможно, мы наблюдаем сегодня важный момент самоидентификации деятельного и креативного населения Европейского Севера России как одного из базовых компонентов будущей российской идентичности.

1. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75–89.

2. Кондаков И.В. *Интерсубъективность культуры* // *Человек как субъект культуры* / отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 152–186.

3. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН / сост., общ. ред.: Н.И. Лапшин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.

4. Сорокин П.А. *Главные тенденции нашего времени* / пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. М.: Наука, 1997. 351 с.

5. Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории. 2008. Т. 6. № 2. С. 241–266.

6. Яковенко И.Г. *Ментальность в структурировании субъекта и субъектности* // *Человек как субъект культуры* / отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 130–178.